

Дмитрий Васильевич Григорович

Переселенцы

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Дмитрий Васильевич Григорович

Переселенцы / Дмитрий Васильевич Григорович – М.: Книга по Требованию, 2011. – 330 с.

ISBN 978-5-458-04277-2

Дмитрий Васильевич Григорович (1822-1899) вошел в историю русской литературы и получил широкую известность за границей прежде всего как автор повестей "Деревня" и "Антон-Горемыка", затронувших основной социальный вопрос эпохи — безвыходно тяжелое положение крепостного крестьянства России.

ISBN 978-5-458-04277-2

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Дмитрий Васильевич
Григорович
ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ
(Роман из народного быта)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

I

ЗАЕЗЖИЙ ТОРГАШ

Только что наступили первые майские дни.

Было воскресенье. Благодаря отличной погоде и, особенно, праздничному дню улица сельца Марьинского снова оживилась, как только прошел послеобеденный час.

До сих пор, то есть между полуднем и четырьмя-пятью часами вечера, большинство марьинских жителей отдыхало; на улице слышались только возгласы мальчишек, игравших в бабки на недавно просохнувших, но гладко уже утопанных лужайках; к этим крикам присоединялся теперь мало-помалу скрип ворот, которые пели на всевозможные лады; на завалинках показывались старики с заспанными глазами и всклооченными волосами, в которых виднелись соломенные стебли - знак, что народ перебрался уже на летние квартиры: в сараи и риги; к старикам выходили соседи.

Группы вскоре увеличились присутствием старух с внучатами на руках и баб в пестрых праздничных передниках и писаных ярких головных платках. Старухи и бабы недолго, впрочем, останавливались у завалинок: они большею частью выходили на середину улицы и становились отдельными кучками, в которых тотчас же обнаруживался характер суеты и беспокойства; покажется ли баба в отдалении, ее уже никак не пропустят мимо: "Тетка Авдотья, а тетка Авдотья... куда ты... ась? подь к нам, касатка! а?.." Минуту спустя голос тетки Авдотьи дребезжит заодно с голосами ее товарок. На улице, освещенной лучами внешнего солнца, заметно уже склонившегося к западу, чаще стали появляться молодые девки, сопровождаемые неизменными их спутницами, маленькими девчонками; посмеиваясь в ладони и шушукая при встрече с парнями, девки направлялись к хлебному магазину, расположенному на одной линии с избями и отделявшемуся от последних ветлами. Там, под навесом, бросавшим желтоватую тень, которая делалась все сквознее и золотистее по мере того, как солнце опускалось к горизонту, собралась уже порядочная ватага молодежи; кто стоял, перешептываясь с соседкой, кто сидел, закрыв ладонью нижнюю часть лица и украдкой поглядывая на парней. Парни в свою очередь переминались с ноги на ногу и также молчали. Казалось, вся молодежь Марьинского собралась уже под навесом, но никто еще не подавал голоса; до сих пор по разговорной части отличалась одна лишь молоденькая бабенка с вздернутым, раздвоенным на конце носом и быстрыми карими глазами.

- Что ж вы, девки? а?.. Ну, что сидите руки-то скламши? а? полно вам, заправду! - надсаживалась она, перебегая от одной группы к другой. - Становись в хоровод, хватайся за руки - ну!... и-и-эх!

На горе-то мак, мак,
Под горою так, так!..

- Что ж вы, красные? становитесь! "За-а-инька, беленький!" - подхватывала она, снова принимаясь петь, причем всякий раз зажмуривала глаза и выставляла напоказ ряд мелких белых зубов. - Что ж вы не подтягиваете? а? да ну же, ну!

Полно вам спесивиться-то!

Но старания ее не подвигали дела; слышно было покуда, как шелкали орехи, как шушукали и втихомолку посмеивались; вообще под навесом царствовала та нерешительность, выражающаяся подталкиванием локтем и вопросительными взглядами, которая предшествует девичьему веселью. Улица между тем все более и более оживлялась, говор усиливался; кой-где слышался хохот, кой-где раздавались нетерпеливые спорные возгласы; кой-где, и преимущественно из бабьих кружков, раздавалось дребезжанье, весьма похожее на звук битой посуды, которую положили бы в кастрюлю и начали бы трясти изо всей мочи; в одном из таких кружков сильное размахиванье руками и слишком уже часто повторяемые имена Домны и Дарьи служили несомненным доказательством, что там успели уже повздорить.

Наконец в дальнем углу амбарного навеса робко, вполголоса, затагнули песню; повидимому, этого только и ждали: к голосам этим тотчас же присоединились другие.

Подстрекаемые востроглазой запевалкой, парни и девки выступали из-под навеса, схватывались за руки и становились в круг; хоровод устанавливался. Еще минута, и, нет сомнения, звонкая песня заглушила бы уличный говор... но надо же было случиться, чтоб в эту самую минуту в околицу Марьинского въехал воз с красным товаром.

Въезд сопровождался таким неистовым, единодушным лаем собак, что все стоявшие спиною к околице невольно обернулись. Хозяин воза, или варяг - так называют в наших деревнях этих торгашей, - не успел подобрать ног от собак, которые, как ядра, летели к нему навстречу, как уж вся деревня заметила его появленье. Началось с того, что бабы, хлопотавшие более других о примирении Домны и Дарьи, немедленно направились к возу. Достоинно замечания, что Домна и Дарья, предоставленные на собственный произвол, тотчас же успокоились; в голове Дарьи мгновенно возникла мысль о ситцевом переднике, который посулил купить муж, как только приедет торгаш; Домне пришла вдруг крайняя надобность прикупить тесемки; одна побежала отыскивать мужа; другая, поправляя головной платок, устремилась к торгашу. Примеру ее последовали многие девки и парни. Из хоровода то и дело убывало, к великому неудовольствию запевалки, которая давно уж была в ладоши и шелкала пальцами над головою; впрочем, она вскоре утешилась и побежала, куда бежали другие.

Спустя самое короткое время воз так облепили, и такая густая толпа окружила его, что старикам, сидевшим на завалинках, стали только видны шапка торгаша и верхний конец дуги над ушами его клячи. Все разом говорило, тискалось и осыпало расспросами торгаша, который решительно не знал, куда повернуть голову.

"Кумач есть?.." - "Покажи тесемку..." - "Почем иголки?.." - "Эй, слышь, на яйца меняешь?.." - "Девушки, касатушки, глянь-кась, серьги-то, серьги!.." - "Ой, батюшки, задавили!.." - "Куда лезешь?.. чего не видали?" - "А тебе небось одной глядеть-то хоцца!.. ишь ее прет... Ну! ну!.." - "Ты, слышь, брат, отколева?.." - спрашивали невпопад с другой стороны.

Покупали, однакож, очень мало; до сих пор торгаш отмерил только два аршина тесемки, сбыл моток ниток да муравленую глиняную дудку - и те, впрочем, променены были на яйца. Тем не менее все продолжали тискаться, спрашивали

о цене каждой вещи, лезли друг на дружку, не щадя боков. Некоторые бабы, побойчее, взмостились даже на облучок воза. Хозяина окончателно затормошили. Бабы, сидевшие на облучке, видя, что толку не доберешься, принялись сами распорядиться: кто примерял наперсток, кто щелкал ножницами, кто накидывал на голову платок, кто прикладывал кусок ситца к переднику. Но и тут-таки более других показала себя востроглазая бабенка, так много хлопотавшая под амбарным навесом: повязавшись желтым платком, перекинув через голову полновесное ожерелье из цветных бус, она подпрыгивала на облучке и, показывая присутствующим раскрасневшееся смеющееся лицо, поминутно вскрикивала: "И-их-на!"

- Что ж это вы в самом деле, бабы?.. Эх их! - заговорил, наконец, торгаш, потряхивая шапкой, устроенной вроде кучерских шапок, с тяжестью на макушке, но тяжесть, вероятно от долгого употребления, съехала на сторону и образовала какой-то неуклюжий, тяжелый ком, находившийся в страшном противоречии с движением головы своего владельца. Ком этот то сползал на затылок, то свешивался на глаза, то переваливался справа налево, но всякий раз в сторону, противоположную той, куда наклонялась голова, - обстоятельство, не очень, повидимому, беспокоившее хозяина; однакож, несмотря на сильные эволюции верхней своей части, шапка все-таки плотно держалась на лысой голове.

- Ну, чего, чего лезете?.. Совести в вас нет, никакого постоянства нет! - подхватил старый торгаш голосом не столько сердитым, сколько поддразнивающим.

- Что ты на нас, касатик? разве мы? - бойко возразили две бабы, торпливо сбрасывая платки, - вишь вон энта-то... глянь-кась, вишь что навертела! Ей, небось, не скажешь, - прибавила одна из них, кивая головою на запевалку, которая никак не могла освободиться от ожерелья, украшавшего ее шею.

- Вот оборви нитку-то, рассыпь, рассыпь бусы-то! - сказал старик, протягивая руку. - Давай сюда... эка баба... давай!

- На, на, на, ешь! - возразила запевалка, освобождаясь, наконец, от ожерелья и отталкивая его с видом величайшего пренебрежения, - рассыпешь! - подхватила она, передразнивая старика и вспыхивая, - не видали дряни какой!.. Ты за другими-то лучше поглядывай! - заключила она, бросая недоброжелательные взгляды двум бабам, сидевшим насупротив.

- Ладно, ладно! слезай лучше до греха! - перебил старик. - Повернуться не дадут, облепили как!.. Покупать так покупать, а то что так-то языком болтать?..

Никакого в вас постоянства нет, бабы! право, нет! Слезай, говорю...

- А ну его взаправду, бабы! плюньте! вишь невидаль какая! - проговорила востроглазая бабенка, соскакивая с воза.

- Ладно, ладно!.. Эка заноза какая! право, заноза! Коли покупать не хотите, стало, стоять здесь нечего... одни пустые разговоры...

- И то, - промолвил какой-то мужик, до той поры стоявший совершенно смиренно, - вон! чего лезете? вон! - неожиданно добавил он, принимаясь работать локтями.

Послышались хохот, писк, брань; толпа стала редеть. Немного погодя под амбарным навесом раздалась песня, возвестившая, что хоровод снова устроился. Это обстоятельство еще заметнее очистило толпу вокруг воза. Вскоре осталось несколько мужиков и баб, которые не отошли прочь потому только, что в праздничный день делать нечего и надо же стоять где-нибудь.

- Поди ж ты, что наделали! не сообразишь никак!.. Взяли на два гроша всего, а разрыли мало что на пять рублей, - сказал старый торгаш, оглядывая присутствующих, которые засмеялись.

Торгашу было уж лет шестьдесят, но он представлял из себя еще свежего, здорового старика; лицо его, шея и руки сохраняли постоянно такую красноту, как будто старик никогда не сходил с банного полка, где его парили самым жгучим венником; краснота эта была отличительным и самым резким свойством его наружности, не лишённой веселости и прямодушия.

- Что станешь с ними делать, с бабами-то? - подхватил он, потряхивая головою над грудями взбудораженного товара и приводя в движение макушку шапки,

- не соберешь никак... та: "дедушка, подай!", другая: "дедушка, покажь!" - никак не сообразишь... совсем затормошили!

- Ничаво не сделаешь! - отозвался кто-то.

- Известно, бабы - кто им рад? - проговорил рассудительным тоном мужик, исполнявший за минуту пред тем должность полицейского.

- Такой уж, видно, ихний род! - смеясь, заметил другой.

- И диковинное это, право, дело... - начал было снова старик; но третий мужик, малый лет тридцати, косой, как заяц, и рябой, как кукушка, который во все время предыдущего разговора ощупывал лошадь торгаша, рассматривал с величайшим любопытством его сбрую и подводу, перебил его:

- Отколева бог несет? - спросил он.

- Еду, то есть, откуда?

- Нет, каких примерно губерний? - подхватил рябой мужичок, укладывая локоть правой руки на облучок, а пальцами правой руки притрогиваясь к оловянным зеркальцам, сверкавшим из бумажного свертка.

- Губернии Ярославской, - словоохотливо возразил старик, - а вы, братцы, здешние?

- Здешние, - отозвались мужики, причем тот, который лежал на локте, приподнял угол бумаги, скрывавшей мотки с шелком.

- Ваша деревня как, братцы, прозывается... Марьинское?.. так, что ли?

- Марьинское...

- Так и есть; стало, здесь... так и сказывали: на третьей версте, сказывали, от большой дороги, - проговорил старик, озираясь на стороны. - Скажите, братцы, нет ли у вас такого мужичка... Тимофеем звать?.. не припомню только: Федосеев ли,

Демьянов ли...

- Есть... Федосеева нет, а Демьянов есть.

- Какой-токой Демьянов? У нас трое Демьяновых. Вон насупротив один... вон...

- Эй, братцы! уж не Лапша ли? - ухмыляясь, спросил весельчак.

- Какой Лапша?

- А так прозвали у нас одного мужичка Лапшою... Лапша да Лапша - так и стали звать.

- Тебе, дядя, как сказывали?

- Сказывали: как въедешь, говорит, в околицу, на левой руке, тут и живет... никак пятая изба, никак шестая с краю... не помню...

- Ну так и есть, Лапша! - воскликнул рябой мужичок, отличившийся любо-

знательностью.

- Стало, есть какая надобность?

- Нет, брат его наказывал кланяться, - возразил старик, принимаясь за укладку товара.

При этом известии мужики переглянулись между собою, после чего глаза их с заметным любопытством обратились к старику, и все разом заговорили:

- Где ты его встрел?.. где?.. в коем месте?..

- Нонче зимою встрел, ехамши из Алексина.

- Ах он, разбойник! - закричали мужики в один голос.

Восклицание было так неожиданно и вместе с тем так единодушно, что торгош невольно поднял голову и взглянул на них пристальнее.

- Что вы, братцы? - спросил он.

- Да ведь этот-то, что с тобой встрелся, первый что ни есть мошенник! - заговорили опять разом все присутствующие. - Вот уж никак пятый год в бегах. Тем только и спасся - бежал! Ему давно бы в Сибири быть...

- Как так?

- Да так! Таких делов наделал... и-и-и!..

- Он мне сказывал, как я с ним встрелся, сказывал, сапожным, вишь, мастерством занимается.

- Ах он, разбойник! - подхватили опять присутствующие.

- Где ты с ним встрелся? - спросил один из толпы.

- Точно, теперь как припомню... точно, чудно как словно, - начал старик. -

Ехал я ноне зимою, пробирался к Алексину городу; недалече уж было до ночлега - может, этак верст пяток оставалось; уж примеркать стало... знаю, дело зимнее, день-то короткий, к тому и время такое было: метель, погода такая посыпала... Слез эшто я с воза-то, рукавицами похлопываю, сам иду подле лошаденки. Иду так-то, смотрю, вижу

- идет впереди человек; с ним паренек... так, мальчончек лет этак восьми, а может, и всех десять годков будет... Ну, поровнялись, нагнал их, поздоровались. Куда? примерно откуда? Разговорились... Стал эшто он у меня просить парнишку посадить, - посадил. Так и так, говорит, сапожным, говорит, мастерством пробавляюсь. "Это, говорю, сын у тебя?" - "Нет, говорит, чужой, в ученье взят..." А сам такой-то обдерганный: ни на нем, ни на парнишке полушубка нетути. Я и давай спрашивать:

"Где ж, говорю, поклажа-то у тебя? чай, струмент есть?" - "Жительство, говорит, имею поблизости, в деревне; там, говорит, струмент оставил..." Такой-то словоохотный, спрашивает, куда еду. "Вы, говорит, везде слоняетесь; неравно, говорит, доведется в Кашире побывать, в нашей сторонке; там есть, говорит, сельцо такое, Марьинское прозывается... коли приведет бог побывать, говорит, спрости мужичка Тимофея" - сказал, как примерно найтить - "кланяйся ему; скажи, мол, брат поклон посылает..."

- Ну так, так! он и есть, он! Вишь, разбойник! - заговорили опять в толпе.

- Поди ж ты, что выдумал - а? сапожник! Ах он проклятый!.. И парнишка с ним... по отцу пойдет; уж это как есть что по отцу. То-то давно слухов-то не было...

Поди ж ты! сказалси!

- Так, стало, паренек ему не чужак? - спросил удивленный старик.

- Какой чужак! Говорят тебе: сын, родной сын, - подхватили мужики, перебивая друг друга. - В те поры, как бежал от нас, в те поры и парнишку своєю увел. Вот уж пятый год в бегах...

- О чем вы тут? - неожиданно спросил новый мужик, подходя к возу.

- Слышь, вот старик с Филиппом встретя!.. Филипп, слышь, Лапши нашего брат, беглый-то.

Весть эта произвела, казалось, на новоприбывшего такое же точно впечатление, как и на его товарищей.

- Поди ж ты, какое дело! - проговорил торгаш, - а мне и не в догадку; думал, взаправду мастеровой.

- Вот нашел! Плут первый сорт, темный плут! Чудно, как он с тобою чего не спроворил. Знаю, такими делами живот кормит. Спроси, здесь всякий скажет... его по всей округе-то и то знают... Эй, Пантелей! подь сюда! - заключил вдруг рябой мужичок, принимаясь махать руками по направлению к околице, - слышь, эй!

Филиппа видели, Лапши нашего брата... вот старик встретя...

- Где? в коем месте? - спросил, ускоряя шаг, Пантелей, человек мрачного и сурового вида, в котором, по черным и обгорелым рукам и носу, выпачканному сажей, нетрудно было узнать кузнеца.

- Далеко, брат! не поймаешь! А ты уж обрадовался, думал, возьмешь, - начал было весельчак, но другие мужики перебили его и заговорили вместе:

- Не нонче встретя, зимою, у Алексина... далеко, брат, не догнать...

- Вот, дядя, спроси у него, у него спроси: он ти скажет, какой-такой Филипп человек есть, - перебил в свою очередь рябой мужичок, стараясь обратить на себя внимание торговца, - совсем было по миру пустил, совсем решил! - прибавил он, выразительно моргая на кузнеца. - Эй, ребята! Эй, слышишь? - довершил он, снова начиная махать руками и поворачиваясь то в одну сторону улицы, то в другую. - Эй, сват Нефед! ступай сюда: Филиппа видели. Лапши нашего брата... эй...

Даже без этого известия многие из пожилых мужиков и баб, не принимавших участия в хороводе, направлялись к возу. Достаточно ведь увидеть издалика двух-трех человек, собравшихся около одного места, чтоб привлечь толпу; но при имени

Филиппа, брата Лапши, каждый из подходивших ускорял шаг. Вскоре вокруг воза снова составиля порядочный кружок. Рябой мужичок перестал между тем кричать: он торопливо передавал новость, переходя от одного к другому, - никто, однакож, не хотел слушать: после первых двух слов каждый махал только рукою, отходил прочь и обращался с расспросами к торговцу.

- Надо полагать, братцы, этот Филипп дал себя знать... вишь, как вы о нем хлопочете! - сказал старик, которого начинало забирать любопытство.

Осажденный новыми расспросами, он очень охотно повторил встречу свою с Филиппом. Во время рассказа, прерывавшегося бранью, как только произносилось имя

Филиппа, рябой мужичок ни на секунду не оставался в покое; его точно укусила ядовитая муха: каждый член его, каждая черта лица его, особенно глаза и брови, находились в страшной подвижности: он то подмигивал, то дергал за рукав соседа, приглашая его быть внимательнее, то обращался с пояснительны-

ми жестами, наконец не выдержал и неожиданно крикнул:

- Экой разбойник!

Выходка эта встретила на этот раз живое сочувствие в окружающих; крупная брань, как картечь, посыпалась отовсюду.

- Слышь, дядя! у этого, вон у этого две лошади увел! - вмешался рябой мужичок снова, указывая на кузнеца. - Две лошади увел, сам тебе скажет... Скажи, Пантелей, как дело-то было...

Глаза присутствующих мгновенно перешли от торгаша к Пантелею; но

Пантелей обманул всеобщие ожидания: он упорно молчал, и только выражение его грубого лица да нахмуренные брови высказали чувства, пробуждавшие в нем при воспоминании о Филиппе.

- Кому он здесь только не враг? - сказал седой старик, - о сю пору все поминуют. Даром пятый год слухов нет, всем на шею сел.

- Вор ворует - мир горюет. Кто ему, вору-то, рад!

- И парнишку-то свою погубил, окаянный! - прокричала некстати какая-то старуха.

- То-то, я чай, наш Лапша-то подивится, как проведает. Он думает, брата давно уж в живых нет; сам наемни сказывал...

- А ты и поверил! - сурово перебил кузнец Пантелей.

- На таких людей погибели нет; ничего им не делается, - заметил кто-то.

- Ну, а что, братцы, каков у вас этот-то брат? - спросил торгаш.

- Лапша-то?

- Да.

- Все единственно... такой же разбойник! - проговорил кузнец.

Выходка кузнеца не заключала в себе, казалось, ничего особенно забавного, тем не менее в толпе многие разразились хохотом: надо полагать, сближение, которое сделал кузнец между Лапшой и его братом, показалось присутствующим чересчур уж несбыточным, невероятным.

- Стало, такой уж, видно, весь ихний род: все одним путем-дорогой пошли! - произнес торгаш, покачивая головою, причем макушка его шапки обнаружила несколько раз намерение сорвать с плеч голову своего владельца.

- Вся семья таковская! один в одного! - упрямо подтвердил кузнец.

Снова некоторые засмеялись.

- Полно, брат Пантелей, полно! не грехи! - с укором произнес степенного вида мужик, молчавший до того времени. - Станешь так-то про других худо говорить, узнаешь и про своих. Коли говорить, так говори настоящее...

- Я и то настоящее говорю: мошенник - да и все тут! Степенный мужик досадливо махнул рукою и отвернулся.

- Известно, один брат грабит, другой концы хоронит, - сурово подхватил кузнец. - Слышь, не знает Лапша, жив ли брат - как же! Думаешь, как летось пастух наш встрел Филиппа у роши, думаешь, этот не знал? Они заодно действуют. Ты верь ему, что он дурачком-то прикидывается, верь...

- Полно, говорю, - начал опять степенный мужик, - не чужим рассказываешь. Тот ограбил тебя - точно; ты на него и серчай: говори кому хошь, всякой скажет: "грабитель". А этого позорить тебе не за что. Брат за брата не ответчик!

Лежачего, брат, не бьют - не приходится!

- Уж это как есть...